*З.С. Лысова**

МОДАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ: ОНТОЛОГИЯ, ЛОГИКА И ЛИНГВИСТИКА

В данной статье рассматриваются различные области применения модального анализа в различных областях с точки зрения онтологии. Выделяются два глобальных уровня использования: общетеоретический (аналитический) и частно-практический (внутрисистемный).

Основная часть статьи посвящена исследованию частно-практического способа применения, а именно модальному анализу бытия и модальному анализу высказываний. Последний раскрывает проблемные поля семантики возможных миров и модальностей в лингвистике.

Что есть модальный анализ? В различных словарях модальный анализ определяют как «исследование существа модальности» [1. С. 273]. При этом само понятие модальности разъясняется весьма пространной фразой, содержащей логический круг: «(от лат. *modus* вид и способ) – вид и способ бытия или события» [1 С.273]. С позиции онтологии, модальный анализ – это анализ чего-либо с точки зрения модальных доминант возможности, действительности и необходимости. Как видно из приведенной выше цитаты, стандартными и чаще всего используемыми словами при определении вышеозначенных терминов являются слова «характеристика», «способ», «вид». Но на наш взгляд, нет точнее термина, чем «категории». Ведь они позволяют структурировать и анализировать, отражать сущностные характеристики, понимать принципы организации бытия. В зависимости от предмета анализа можно выделить различные виды модальностей.

Традиционно выделяют всего три подгруппы модальностей: гносеологические, онтологические и логические модальности. Такую классификацию можно назвать упрощенной, поскольку она не отражает всех различных функций мо-

* © Лысова З.С., 2007

Лысова Зоя Сергеевна – кафедра философии Самарского муниципального университета Наевой.

дальних доминант возможности, действительности и необходимости, а другими словами, модального анализа.

Прежде всего, необходимо определить два «глобальных» уровня употребления модального анализа: *общетеоретический (аналитический) и частнопрактический (внутрисистемный) уровни*. Аналитический способ есть непосредственное применение модального анализа к системе философского знания в целом. Наиболее наглядным примером данного подхода в философии является учение Гегеля о трех отношениях мысли к объективности. Три отношения соответствуют трем модальностям. А соответственно в учении отражается, каким образом доминирующая модальность предопределяет решение философских проблем в целом.

Практический уровень – это использование модальных доминант непосредственно внутри философских систем, т.е. это некие взаимоотношения между возможностью, действительностью и необходимостью. Рассмотрение внутрисистемной сферы действия модального анализа и является целью и задачей данной статьи.

Отправной точкой для определения областей применения модального анализа на частнопрактическом уровне, безусловно, является философия Аристотеля. Ведь именно в его системе впервые можно выделить различные уровни внутреннего функционирования модальных доминант: по отношению к сущему и по отношению к суждениям.

1. Модальный анализ бытия

Непосредственный модальный анализ сущего – это чистый фундаментальный онтологический анализ. Его можно найти практически в любой онтологической системе. Наиболее знаковыми для становления программы модального анализа являются концепции Аристотеля, Г.В. Лейбница, И. Канта, Й.Ф. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля и Н. Гартмана. Именно в этих концепциях происходит становление модальных доминант как первичных категорий. Ведь Аристотель изначально не включает возможность, действительность и необходимость в список своих десяти категорий. Лейбниц одним из первых начинает различать различные виды необходимости (метафизическую, физическую и моральную). Кант включает модальности в таблицу категорий, закрепляя за доминантами статус главных принципов организации самого бытия и его познания. Шеллинг впервые пытается дедуцировать категории возможности, действительности и необходимости, отталкиваясь от кантовской таблицы и от принципа основоположения (Grundsatz) – «Я есть Я», которое и является Абсолютным Я, т.е. праформой безусловно положенного бытия. В системе онтологического монизма Гегеля наиболее продуктивными для создания целостного подхода к модальному анализу с точки зрения онтологии являются следующие моменты: впервые он говорит о том, что рассматривать взаимопереходы возможности, действительности и необходимости друг в друга невозможно при понимании этих терминов как предельно общих, и различает случайность, формальную и реальную возможности;

формальную и реальную действительность; формальную, относительную, реальную и абсолютную необходимость, т.е. окончательно преодолевает сложившуюся в метафизике традицию напрямую отождествлять возможность и идеальное бытие, действительность и эмпирически данный мир.

Все перечисленные выше положения и, безусловно, многие другие позволили Николаю Гартману в полной мере реализовать потенциал модального анализа. Мыслитель в Испании на философском конгрессе в 1949 году говорил: «Само бытие нельзя ни определить, ни объяснить. Но можно отличить виды бытия и анализировать их модусы. Тем самым их можно осветить изнутри. Это осуществляется модальным анализом реального и идеального бытия. ... Модальный анализ – ядро новой онтологии». [2. С. 322].

Основой для построения такой новой критической онтологии, позволяющей в полной мере раскрыться модальному анализу, является учение Гартмана о «слоистости (Schichtung)» и «ступенчатости (Stufung)» бытия. Слои имеют четкие границы, они не сводимы друг к другу, но существуют одновременно (это реальное и идеальное бытие). От одной ступени к другой возможны скользкие переходы. Категории реального мира и идеального мира не совпадают полностью, даже когда имеют одинаковое название (идеальное, реальное и логическое пространство – не одно и то же). Гартман не помещает эти категории модальностей в общий список, как это делает Кант. Их статус гораздо выше: он считает их прототипом всех остальных принципов, и поэтому модальный анализ предшествует общему учению о категориях. Модальный анализ позволяет выявить главные, специфические моменты реального и идеального бытия, дифференцировать их. Из этого различия можно определить способы бытия, ведь изменяясь по ступеням бытия, модусы не изменяются по слоям. Модус обеспечивает единство, а структура – многообразие. Ошибки предыдущих учений происходили из-за того, что в них модусы изменялись соответственно ступеням бытия; смешивались понятия структуры и модуса.

2. Модальный анализ по отношению к суждениям

Модальный анализ высказываний можно рассматривать с двух точек зрения: как элемент в построении онтологической системы и как непосредственно логический инструмент. Первое можно считать исторической предпосылкой второго, но в определенную стадию разделения наук логики и онтологии происходит и расхождение в путях развития этих подходов. Поэтому возникает фиксация этого расхождения в терминах модальной логики как различие высказываний по двум типам: *de re* и *de dicto*. Высказывания «о вещи» представляют собой особый тип связи субъекта с предикатом. Анализ высказываний *de re* можно найти в тех же системах, о которых говорилось при рассмотрении чистого онтологического модального анализа. Анализ высказываний *de dicto* приводит нас к необходимости исследования и поиска точек соприкосновения между онтологией, семантикой возможных миров и лингвистических концепций модальностей.

2.1. Семантика возможных миров

В целом развитие современной модальной логики (в которой широкое распространение получили исследование модальностей *de dicto*) связано с именами Я. Лукасевича, К. Геделя, Р. Фейса, С. Крипке, Г.Х. фон Вригта, Я. Хинтикки и т.д. Классический вариант модальной логики окончательно сформировался с возникновением семантики возможных миров. Английский исследователь Филлип Брикер в одной из своих статей констатирует: “Open a book or article of contemporary analytic philosophy, and you are likely to find talk of possible worlds therein.” («Откройте книгу или статью по современной аналитической философии и вы найдете там по счастливой случайности рассуждения по поводу возможных миров») [3]. Большинство исследователей, изучающих семантику возможных миров, отмечают большое влияние на формирование подходов таких философов, как Платон, Аристотель, Лейбниц, Д.К. Льюис, Куайн, Крипке и т.д. Поэтому при рассмотрении данной проблемы нельзя обойти: 1) возможные миры Лейбница, которые сосредоточены в руках необходимо существующего Бога; 2) теорию Д. Льюиса, согласно которой возможные миры – это конкретные вселенные наряду с нашей; 3) концепцию Р. Адамса и А. Плантинга, которая провозглашает возможные миры аналогами платоновскому миру, построенному из абстрактных понятий и имеющему абстрактные свойства.

Безусловно, возникновение рассматриваемой проблемы связывают в основном с именем Г.В. Лейбница. Под возможными (или логически возможными) мирами он понимал такие миры, явления в которых можно описать без противоречия. Как писал Рассел, по Лейбницу, действительный мир состоит «из самых больших групп совозможностей» [4. С.613]. Но такая интерпретация не совсем верна, поскольку в концепции Лейбница возможность и действительность не сосуществуют в рамках одного слоя (как это происходит в философии Гартмана). Они разведены по разным уровням существования. Поэтому наш действительный мир единственный обладает онтологическим основанием для существования. Он не состоит из возможностей, он является чистой актуальностью. Остальные миры не содержат в себе потенцию к реализации, они есть чистая возможность сама по себе.

В отличие от лейбницианских возможные миры Дэвида Льюиса претендуют на статус онтологической, конкретной действительности. Льюис приводит два аргумента в пользу того, что существует бесконечное множество физических миров. Первый можно определить как прагматический, поскольку признание существования множественности миров, в которых любое модальное суждение становится истинным, очень удобно для решения большого количества разнообразных философских проблем. Ведь тогда правом на существование обладает практически любое объяснение, поскольку высказывание есть не что иное, как система миров, в которых оно истинно. Во втором аргументе Льюис апеллирует к таким индексальным терминам, как «я», «здесь» и «сейчас», слова «актуальный», «действительный» и их синонимы. Они зависят от контекста, в котором

употреблены. Например, если кто-то скажет, что «действительно существуют лошади», то, согласно Льюису, это выражение истинно (т.е. лошади действительно существуют) в том мире, о котором говорится. При этом подобные термины всегда онтологически равнозначны, что делает возможный мир более напряженным с точки зрения модальной доминанты действительности (как это можно назвать в терминологии Гартмана). Так по аналогии все ссылки и упоминания местоимения «я» онтологически будут соответствовать непосредственному субъекту; т.е. не может быть абсолютно чистого и единственного понятия «я», которое подходит мне и только мне. Такой возможный мир именно онтологически необходимо находится на одном уровне с другими не-актуальными мирами. И именно исходя из этого все не-актуальные возможные миры должны существовать и быть онтологически сопоставляемыми.

Одной из альтернативных теорий Льюиса считается платонизм. Современное воплощение он нашел в трудах Роберта М. Адамса и А. Платинга. С их точки зрения, возможные миры – это максимально укомплектованная истинными пропозициями платоновская вселенная, т.е. вместо множественности возможных миров Льюиса и Крипке. Адамс признает существование лишь одного мира, который при этом имеет статус абсолютной актуальности. Получается, что высказывание становится истинным тогда, когда оно соотносится с вещью или событиями в такой возможной вселенной. Согласно этой теории, существует абстрактная чистая возможность или подходящие условия для создания такой индивидуальной коллекции истинных пропозиций. Даже введение «необходимости» как первичного понятия ничего субстанциально не меняет. Такой подход становится независимым от проблемы модальностей.

2.2. Проблема модальности и лингвистика

Проблемы модальной логики, анализа высказываний *de dicto*, семантики возможных миров непосредственно соприкасаются с лингвистической сферой. Возможные миры в равной мере, как и действительный мир, регистрируются языковыми средствами. Модальные операторы являются одними из главных участников семантических построений в данном случае.

Существует несколько различных подходов к классификации лингвистических модальностей. На данный момент в западноевропейской лингвистике наибольшее распространение получила концепция модальности Ш. Балли. По его мнению, в любом высказывании можно выделить основное содержание (диктум) и его модальную часть (модус), в котором выражается интеллектуальное, эмоциональное или волевое суждение говорящего в отношении диктума. Традиционные академические подходы в целом соответствуют трактовке Балли, но добавляют различные модальные значения (реальности/ирреальности, повелительные, возможности/невозможности, оптативности и так далее). Наиболее общее определение можно найти в трудах академика В.В. Виноградова: «Если категория предикативности выражает общую соотношенность содержания предложения с действительностью, то отношение сообщения, содержащегося в предло-

жении, к действительности есть прежде всего модальное отношение». [5. С.80]. То есть получается, что сама модальность заключена в том, каким образом говорящий соотносит сказанное с действительностью, обеспечивает актуальность и достоверность главного средства коммуникации. Таким образом, любая оценка высказанного есть модальная оценка. На подобной же основе создает свою классификацию Бондарко, выделяя 6 типов модальных значений, с точки зрения различной оценки.

При этом следует подчеркнуть, что с точки зрения позиции критической онтологии такое расширение понятия модальности не имеет смысла. Зачем отождествлять самостоятельные категории спецификации бытия со столь расплывчатым понятием «оценочность». Ведь в любом случае, когда производится верификация сказанного, суждение рассматривается не только с позиций модальности, но и с точки зрения качества, количества, места, времени и т.д. Если же приравнивать модальность и оценку, то тогда анализ высказывания *de dicto* получается ущербным и неполным, теряет связь с объективной реальностью, а следовательно, и смысл. В связи с этим стоит упомянуть существующее деление лингвистических модальностей на субъективные и объективные. Возникает вопрос, каким образом речь может идти о субъективности, когда модальные доминанты – это категории бытия, т.е. объективные и независимые от субъекта познания. Хотя лингвисты в основном отдают предпочтение субъективной модальности, поскольку она с их точки зрения воплощает отношение говорящего к денотативной ситуации и к содержанию пропозиции.

Более философским, но построенным на той же лингвистической основе является подход Михаила Эпштейна, описанный в его книге «Философия возможного». Его точка зрения ближе всего к онтологическому пониманию модальности, поскольку он изначально признает три способа бытия и мышления, соответствующих трем модальностям возможности, действительности и необходимости. Но на этом сходства заканчиваются. Эпштейн пишет: «В основе всех модальных категорий лежат три предиката: «мочь», «быть» и «знать», всевозможные сочетания которых друг с другом и с отрицательной частицей «не» позволяют охарактеризовать многообразие известных модальностей и их соотношения» [6. С.30]. Из приведенной цитаты видно, что Эпштейн расширяет границы понятия модальности, включая в него кроме онтологических и эпистемических видов еще и способность к действию. Так каким же образом могут предельные категории бытия, призванные отвечать за устойчивую структуру, выражать чью-либо умение совершать те или иные поступки? В таком случае можно говорить только о чистой логической возможности реализации конкретной ситуации, то есть здесь практически актуализируется проблема семантики возможных миров, о которой говорилось выше.

Таким образом, изучив различные области применения модального анализа на частно-практическом уровне, можно сказать, что наиболее аутентичной сферой действия модальных доминант является чистая онтология и концепция воз-

возможных миров Льюиса. Безусловно, существуют точки соприкосновения с лингвистическими учениями о модальностях, но как было выявлено, в основном подходы не отвечают заданным канонам философской мысли.

Библиографический список

1. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2006.
2. Гартман, Н. Старая и новая онтология / Н. Гартман // Историко-философский ежегодник. М., 1988.
3. Bricker, P. Concrete Possible Worlds. [PDF] / P.Bricker // Режим доступа: <http://umass.edu/Philosophy/PDF/Bricker/Concrete Possible Worlds.pdf>
4. Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел. – М., 1959. – 613 с.
5. Грамматика русского языка. Синтаксис. Ч1. М:Издательство АН СССР, 1960.
6. Эпштейн, М.Н. Философия возможного / М.Н. Эпштейн. – СПб.: Алетейя, 2001.

Статья принята в печать в окончательном варианте 24.08.2007 г.

Z.S. Lysova

MODAL ANALYSIS: ONTOLOGY, LOGIC AND LINGUISTICS

This article deals with application of modal analysis to different areas from the ontological viewpoint. Author determinate two kinds of application in modal analysis: partial-practically and panto-theoretically.

The main part of the study is devoted to the exploration of partial-practically application, concretely to analysis of being and analysis of modal statements. The rest one includes the research in semantic of possible worlds and modality in the linguistic.